

8С (Алт)
Б-273

83.3 (24000-Алт)

Б273

Н. А. БАСКАКОВ

**АЛТАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР
И
ЛИТЕРАТУРА**

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ОБЛНАЦИЗДАТ
1948

Р
Б-19

Н. А. БАСКАКОВ

АЛТАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР
И
ЛИТЕРАТУРА

~~ШЕБАЛИНСКАЯ АЙМАЧЬЯ
• БИБЛИОТЕКА~~

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ОБЛНАЦИЗДАТ.

1948

Алтайский фольклор и литература

Алтайская литература, если в это понятие вкладывать всю совокупность народного и индивидуального литературного творчества со всеми жанрами фольклора, богатейшим алтайским героическим эпосом, развитой мифологией и проч., имеет древнейшие традиции и историю. Памятники древне-тюрского государства Ту-кю на Орхоне, шаманистские, буддийские, манихейские и мусульманские памятники древних уйгуров и памятники письменной литературы монголов позволяют нам установить некоторые общие черты культуры этих народов, имеющей своими истоками древние, развитые культуры Ирана, Индии, Тибета и Китая, которые в некоторой мере отразились и в устном народном творчестве алтайцев. Так в чрезвычайно развитой алтайской мифологии обнаруживается культ верховного божества Курбустана (у монголов Хормустен), восходящего к древне-иранскому Ахурамузда и, получившего позже в культе шаманов новое название, уже на тюрской основе,—Ульгена; культ мрачного бога подземного царства Эрлика и духов Земли—Дьер-Су, известных орхонским тюркам. Алтайский Пантеон представлен также женским божеством—богиней Май-Эне, которая также упоминается в древне-тюрских рунических памятниках. Не чужд алтайской мифологии и алтайскому героическому эпосу также миф о золотом веке, о „царстве золотой Киприды“, образно представленный в преданиях и героических поэмах, имеющих генетически общую основу с ойрато-монгольским эпосом „Джангар“. Чрезвычайно развит в алтайском эпосе мотив о мудром коне-друге и советнике богатыря в его походах и подвигах, широко известный в монгольском эпосе и имеющий отражение в древне-тюрских памятниках, в которых отмечается значение коня в битвах полководцев. Чудесные грамоты „судурбичик“ алтайских сказаний свидетельствуют о культурно-исторических связях с санскритско-тибетской, уйгурской и монгольской культурами. Наконец, алтайские легенды и предания о сотворении мира, о создании человека, о потопе и проч. указывают нам также на генетические связи этих легенд с христианскими легендами.

Владычество ту-кюйских каганов, уйгурских кюй-кага-

нов, киргизских хавов, кара-китайских гурханов, найманских ван-ханов и мировое господство монголов, безусловно, оставили некоторые следы в алтайской устной народной литературе.

Но еще более тесную связь алтайский фольклор имеет с историческими событиями, последовавшими после разложения империи Чингиз-хана, в период непрерывных междоусобных войн монгольских феодалов и в более поздний период Джунгарского ханства.

Таким образом, весь героический эпос алтайского народа пронизан идеей борьбы за независимость и свободу своего народа против возвышающихся и падающих племенных союзов и государств, возникающих на территории смежной с Алтаем. Наиболее яркое отражение в алтайских сказаниях получили события XV—XVIII веков. Именно в этот период и сформировались на чрезвычайно сложной, синкретичной идеологической основе быстро сменяющихся религиозных культов и мировоззрений такие крупнейшие алтайские эпические поэмы, какими являются „Алтай-Бучай“, „Алып-Манаш“ и др.

Совершенно очевидно, что для более глубокого понимания и тщательного изучения алтайского устного народного творчества необходимо привлечь памятники древне-тюрской эпохи, как более раннее, относящиеся к ту-кюйскому периоду, а именно: надгробные памятники в честь Могилян-Хана, Кюль-Тегина, Гудулу-Хана, Тоньюкука и Кули-Чура, так и памятники уйгурского периода: рунические („Селенгинский камень“), рукописные памятники манихейского и буддийского толков, а в некоторой степени и более поздние мусульманские памятники и в первую очередь крупнейший памятник древне-уйгурской литературы „Кутадгу-Билик“.

Если традиции древне-уйгурской литературы были продолжены в улусе третьего сына Чингиз-хана — Чагатая, в котором развилась на ее основе среднеазиатская, тюркоязычная чагатайская литература, то дальнейшие судьбы устной алтайской литературы были связаны с развитием монгольской культуры и письменной и устной монгольской литературы. Следовательно, изучение алтайской устной литературы, формировавшейся в Монгольскую эпоху должно быть связано также с изучением письменной и устной монгольской литературы. Крупнейшими письменными и устными памятниками Монгольской эпохи, как более раннего периода, относящегося к ближайшим преемникам Чингиз-хана т. е. к XIII—XIV векам, так и более позднему периоду Ойратского союза и Джунгарского ханства XV—XVIII в.в.,

являются: „Сокровенное сказание“, посвященное главным образом жизнеописанию и деятельности Чингиз-хана, полководцу, широко известному всем народам Центральной и Средней Азии, и его сподвижникам, послужившим проработками многих эпических сказаний, принадлежащих восточным народам; „Поэма о двух скакунах Чингиз-хана“; монгольская летопись „Алтан-Тобчи“; „Легенда об единоборстве Чингиз-хана с тангутским Щудургу-ханом“; „Повесть о мудрых беседах мальчика-сироты с 9 орлеками Чингиз-хана“; „Поучение Чингиз-хана его младшим братьям и сыновьям“; „Летопись Саган-Сэцена“; „Гесериада“; „Монгольское сказание об Амур-Сане“, генетически связанное с алтайским героическим сказанием „Темир Сана“; монголо-ойратский эпос „Джангар“, отзвуки которого встречаются и в алтайском героическом эпосе в преданиях о „Дьангаре“ и героических сказаниях „Эр-Замыр“, „Кан - Кюлер“ и др. К сравнительному анализу героических сказаний алтайского народа необходимо привлечь также эпос монгольских племен и соседних народов и в частности киргизский эпос „Манас“, который повидимому имеет некоторые общие черты, не только в этимологии собственных имен героев, но и в сюжетах, с алтайским героическим сказанием „Алып-Манаш“ и средне-азиатским эпосом „Алпамыш“ („Алпамыс“), независимо от различных исторических событий, отражающихся в этих героических сказаниях.

Таким образом, при изучении алтайской народной литературы, определение ее субстрата и анализа древнейших ее истоков и связи с устной и письменной литературой других народов, исследователю необходимо использовать прежде всего все памятники устной и письменной литературы, относящиеся к древне-тюркской эпохе VI—VIII—XII веков и Монгольской эпохе XIII—XVII в. в.

Совершенно ясно, что алтайский фольклор и литература представляет собой чрезвычайно сложный комплекс вопросов, входящих не только в круг исследований филологов-литературоведов, но и специалистов смежных дисциплин: историков, археологов и этнографов Востока. Поэтому, если мы обратимся непосредственно к историографии алтайского фольклора и литературы в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды, то должны привлечь не только труды фольклорного и литературоведческого характера, но частично и труды специалистов по смежным дисциплинам, касающихся в той или иной степени вопросов истории и генезиса алтайского народа и его культуры.

В дооктябрьскую эпоху алтайский народ находился в

колониальной зависимости от царской России. После падения Джунгарского ханства в XVIII веке Алтай перешел под власть России. Естественно, что собирание материалов по фольклору и его изучение началось не сразу. Только в середине XIX века появились первые исследователи, заинтересовавшиеся устным народным творчеством населения Алтая. Впрочем и эти исследования, как и позднейшие, вплоть до образования Ойротской Автономной области не носили специального характера и имели, так сказать, попутный характер. Все исследования дооктябрьского периода по своему характеру могут быть разделены на три группы. К первой группе относятся материалы по фольклору, собранные в связи с исследованиями в других областях науки, главным образом в связи с лингвистическими, географическими и этнографическими поездками отдельных ученых для изучения края. Ко второй группе — исследования миссионеров, широко развернувших свою деятельность со середины XIX века на Алтае. Наконец, к третьей группе — отдельные работы местных краеведов, относящиеся к более позднему периоду дооктябрьской эпохи.

К первой группе академических исследований следует отнести работы первого ученого, совершившего путешествие на Алтай с лингвистическими целями в 1845—49 г. г., автора, ныне уже оставленной „урало-алтайской“ теории, Кастрена. Правда, материалы, собранные Кастреном относятся к соседнему народу — хакасам, но вместе с тем они интересны также и для исследователя алтайского фольклора.

Вторым по времени, но одним из основных исследователей алтайского фольклора, является крупнейший ученый, признанный основатель тюркологии В. В. Радлов, проживший на Алтае 12 лет с 1859 по 1871 год, непосредственно наблюдавший язык и быт алтайцев. Из 21 работы, изданной В. В. Радловым только на протяжении Алтайского периода своей жизни следует отметить по крайней мере две, первую — образцы алтайского фольклора в специальной транскрипции и вторую, посвященную, если и не специально вопросам алтайского фольклора и литературы, то во всяком случае имеющую чрезвычайно важное значение в истории предмета.

Крупным ученым, исследования которого являются по своей тематике наиболее близкими к интересующей нас теме является Г. Н. Потанин, собравший огромный материал по алтайскому фольклору и этнографии алтайцев. Его специальные работы по фольклористике и опублико-

важные записи переводов на русский язык алтайских сказок и героических сказаний являются весьма ценными для сравнительного изучения сюжетов алтайских сказок. К сожалению, сказки и другие формы народного творчества алтайцев, опубликованы Г. Н. Потаниным только в русском переводе без их оригиналов на алтайском языке.

Из исследователей краеведов, оставивших в своих работах материалы по устному народному творчеству следует отметить Н. А. Кострова, А. Калачева, С. П. Швецова и В. Хвостова. Особое место занимает Н. Я. Никифоров, алтаец по национальности, составивший чрезвычайно интересный сборник алтайских сказок и преданий, отражающих старый быт и мировоззрение алтайцев.

Наконец, последнюю группу исследований алтайского фольклора составляют труды миссионеров. Алтайская духовная миссия, развернувшая свою деятельность в середине XIX века, оказала большую услугу в развитии алтайской культуры, языка и литературы. В конце сороковых годов XIX в. миссионерами был разработан первый алтайский алфавит, вместе с введением письменности появляются и первые издания на алтайском языке, а позже издаются и специальные научные труды, посвященные изучению алтайского языка и устной народной литературы. Крупнейшими представителями этой группы исследователей является С. Ландышев и В. И. Вербичский. Однако все произведения миссионеров характеризуются некоторой тенденциозностью, т. к. большинство из этих произведений служили только специфическим миссионерским целям, оставаясь как правило, неиспользованными для широких масс алтайского народа. К миссионерской школе следует отнести и произведения первого алтайского писателя М. В. Чевалкова, представляющие собой главным образом нравственно-поучительные статьи и только некоторые из них — подражание басням И. А. Крылова.

Исследования и сборники материалов по устному народному творчеству дооктябрьской эпохи, как уже отмечалось выше имели существенные недостатки, так как в большинстве случаев представляли собой записи краткого содержания произведений народного творчества в переводе на русский язык. Исключением являются „Образцы народной литературы тюрских племен“, записанные В. В. Радловым специальной фонетической транскрипцией, отражающей не только форму, а в поэтических жанрах и метр произведения, но и особенности языка данной эпохи. Менее удачной является транскрипция, которой пользовались миссионеры

и в частности В. И. Вербицкий. В записях последнего встречается много неточностей и ошибок, которые не позволяют иногда воспроизвести текст и полностью понять содержание, записанных им образцов.

Устная народная литература алтайцев дооктябрьской эпохи обнимает собой чрезвычайно разнообразные жанры и виды словесного творчества, которые отражают последовательно все этапы развития социально-экономических отношений алтайцев и их мировоззрения. По своей тематике и содержанию, а также отчасти и по формальным признакам, все жанры и виды алтайского фольклора разделяются на три основных раздела: а) религиозно-обрядовый фольклор; б) бытовой фольклор и в) историко-эпические произведения народного творчества.

К первому разделу относятся две группы произведений: 1) религиозно-культовые формы, которые состоят из: а) древних магических заклинаний, связанных с производственными процессами, например охотничьи заклинания; заклинания „дьярмачи“ (связанные с культом духов плодородия); магические заклинания „дьядачи“ (управления погодой); „дьярынчи“ (предсказания по костям животных), „дье-легючи“, „кӧспӧкчи“ и проч.; магические заклинания, связанные с культом огня и др.; б) шаманских мистерий, исполняемых шаманами во время шаманских радений—камлания; в) бурханских гимнов и песнопений; г) христианских песен и проч.; 2) обрядовые песни (связанные с отдельными этапами жизни человека), которые состоят из: а) песен и наговоров, связанных с рождением ребенка; б) песен-диалогов молодежи („кечилдире кожон“); в) свадебных песен („алкыш сӧс“); г) похоронных причитаний („сыгыт“).

Ко второму разделу относятся: а) предания и легенды (мифологические, топонимические, космогонические и проч.) — „куучын“; б) сказки (животного цикла, социально-классового цикла, волшебные и др.) — „чӧрчӧк“; в) басни — „тапкыр“; г) песни (лирические, дружеские, любовные и проч.) — „кожон“; д) мелкие формы: поговорки и пословицы — „ӱлгер сӧс“; загадки — „табышкак“; скороговорки — „модор сӧс“; шутки — „кокыр“; шутки-дразнилки — „сӧгӱш сӧс“ и др.

Наконец к третьему разделу историко-эпических произведений устного народного творчества относятся: а) героический эпос — богатырские сказания („чӧрчӧк“, „кайлап айдар чӧрчӧк“ или „туудьи“), чрезвычайно разнообразные по форме и содержанию произведения, исполнявшиеся под аккомпанемент двухструнного, щипкового музыкального ин-

струмента „топшуура“ и б) исторические песни и предания.

До Великой Октябрьской социалистической революции подавляющее большинство алтайцев было неграмотно. Баи, зайсаны и кулаки жестоко эксплуатировали народ, который до самой революции, несмотря на энергичную деятельность христианской духовной миссии и проповедников ламаизма, сохранил древние шаманистические воззрения. По анимистическим воззрениям алтайцев вселенная разделялась на три сферы, населенных духами: небо, управляемое высшим духом-громовержцем „Курбустаном“ или „Ульгеном; подземный мир, управляемый духом смерти и болезней Эрликом и земли— „Дьер-Су“ или „Алтай,“ с ее многочисленными духами гор, долин, рек и озер— „еези“.

Все произведения устной народной литературы и в особенности религиозно-обрядовые песни и заклинания были пронизаны этим сознанием зависимости человека от окружающих его духов.

Основными формами исполнения народных произведений были магические действия различного рода заклинателей: „дьядачи,“ „дьярынчи“, „дьедегючи,“ „көспөкчи“; камлание шаманов—камов; бурханское ритуальное служение „дьярлыкчи“, которые составляли по существу одну форму ритуального служения, представленную наиболее полно в исполнении шаманских мистерий—камлания и другую форму—исполнение сказок, преданий и героических сказаний, представленную наиболее полно в исполнении героических поэм— „кай“.

Шаманские мистерии — религиозно-мистический ритуал шаманов-камов представлял собой древнейшую форму синкретического искусства, соединявшего в себе поэзию, музыку, танец, мимику, и пантомиму. Сущность камлания заключалась в том, что шаман, присутствуя при заклинании жертвы, предназначенной для высшего духа, призывает духов-помощников, которые сопровождают его в воображаемом путешествии на небо к верховному небожителю Ульгеною или к властителю преисподней Эрлику для вручения им приносимой жертвы. На пути своего воображаемого путешествия шаман встречает препятствия, о преодолении которых он и рассказывает присутствующим при камлании. Все эти мистические заклинания шаман выкрикивает сопровождая свои выкрики своеобразным танцем-пантомимой и мимикой, а также аккомпанементом бубна. Некоторые тексты мистерий, записанные В. И. Вербицким и А. В. Анохиным представляют собой в некоторой мере законченные

произведения, имеющие определенную форму и композицию.

↳ Песни и героические сказания исполнялись и исполняются как профессиональными певцами „кайчи“, так и любителями песни и музыки. Исполнение песен и сказаний носят характер импровизаций, т. к. стихи и мелодии не связаны между собою определенным ритмом и метром. Силлабическая система алтайского стиха и грамматическая рифма, представляющая собой повторы грамматических окончаний, вытекают, повидимому, из особенностей типологии агглютинативных языков и таким образом, при использовании многосложных слов с основным ударением на конечном слоге алтайские стихи не могут иметь того метра, который наличествует в тонических стихах и соответствует симметрии тактового деления в музыке. Поэтому исполнители песен и героических сказаний, избегая акцентов на однообразных рифмах, используют, как музыкальное средство алтайского стиха, аллитерацию т. е. звуковые повторы в начале или середине строки. Что же касается мелодии (которая не имеет постоянных акцентов и зависит от состава слов стиха), то музыкальные фразы последней, в зависимости от состава слов (многосложных или односложных, двухсложных) иногда удлиняются, а иногда укорачиваются, чем и достигаются совпадение ударений в словах с началом музыкальной фразы или отдельных ее элементов.

Наиболее крупной формой исполнительного искусства является так называемый „кай“ — исполнение героических, богатырских сказаний. В алтайских героических сказаниях воспевается обычно какой-либо богатырь, вступивший в единоборство или борьбу с жестоким тираном или чудовищем, обладающим сверхчеловеческой силой. Среди героев алтайского эпоса обнаруживаются иногда исторические персонажи.

Структура героических поэм в большинстве случаев однообразна. Поэма состоит из нескольких сюжетных частей, в которых описывается: детство богатыря, встреча его с другом и советником конем, поединок с врагом, свадьба. Иногда сюжетная структура поэмы усложняется различными вводными сюжетами. Богатырские героические сказания исполнялись в течение нескольких часов, а иногда и нескольких дней профессиональными певцами „кайчи“, которые изучают это искусство с ранней юности и имеют к годам зрелости огромный репертуар, насчитывающий несколько десятков героических поэм. Героические поэмы как правило исполнялись и исполняются ныне под аккомпанемент

двухструнного шипкового инструмента „топшуура“, с которым связана прекрасная легенда об алтайской Лорелей, ввергнувшей в пучину реки богатыря, увлеченного ее пением и игрой на музыкальном инструменте, от отпечатка которого на скале и произошел якобы „топшуур“.

Процесс исполнения героической поэмы начинается обычно прелюдией на топшууре, в которой исполнитель как бы рассказывает вкратце содержание всей поэмы. Затем исполняется краткая прелюдия к первому эпизоду поэмы, далее следует рассказ первого эпизода поэмы, исполняющийся обычно речитативом и заканчивающийся музыкальным завершением без пения. Следующая часть поэмы начинается снова с прелюдии и имеет ту же структуру. Поэмы исполняются как правило низким голосом и сопровождаются иногда особыми вокальными фигурами, представляющими собой чрезвычайно любопытные виды двухзвучного пения, исполняющегося одновременно одним певцом и соответствующего по своему характеру органному пункту европейской музыки. Один из звуков исполняется горлом и является неподвижным тоном, другой исполняется губами и образует обычно несложную мелодию. В зависимости от характера второго голоса двухзвучное пение имеет три основных вида: а) кӯӯлеп кайла — в котором второй звук напоминает легкое гудение; б) каргырлап кайла — в котором второй звук можно определить, как шипящий и наконец в) сыгыртып кайла — со вторым звуком свистящим, напоминающим флейту.

Если дореволюционный алтайский фольклор, имевший многовековой период своего развития был представлен в весьма многообразных формах и жанрах, то алтайская литература в тот же период имела только зачаточные формы. Все издания на алтайском языке (телеутсксе наречие) составляли, так сказать, монополию Алтайской духовной миссии и естественно представляли собой или церковно-богослужебные книги (отрывки из библии и истории нового завета, жития святых, требник, часослов, тексты богослужений, молитвы, евангелие и проч. церковные книги) или так называемую светскую литературу религиозно-нравственного содержания, к которой относились главным образом произведения первого алтайского писателя дореволюционной эпохи М. В. Чевалкова. Наиболее значительными и интересными произведения М. В. Чевалкова является его автобиографическое рассуждение на религиозные темы „Памятное завещание“, опубликованное „Православным Благовестником“ в 1894 году, № 11 на русском языке, а в томе I „Образцев“

В. В. Радлова опубликован как бы краткий конспект того же произведения в форме письма, на алтайском (телеутском) языке. Весьма любопытны и интересны по форме и содержанию его притчеобразные стихи и рассказы, напечатанные во II отделе его сборника „Поучительные статьи в стихах и прозе на алтайском языке“ (Казань, 1881 г.): „Злоумышленник“, „Завистливый“, „Упрямый“, „Клеветник“, „Коварный“, „Насмешник“, „Лжец“, „Хвастун“, „Болтун“, „Сквернослов“, „Честолюбивый“, „Картежник“, „Вор“ и некоторые другие. Большое влияние на творчество М. В. Чевалкова оказал великий русский баснописец И. А. Крылов. Басни И. А. Крылова были первыми русскими произведениями художественной литературы, переведенными на алтайский язык М. В. Чевалковым. Под влиянием И. А. Крылова М. В. Чевалков публикует в 1872 году свои оригинальные басни „Землепашец и охотник“ (Кырачи была анчы); „Сенсставка и ленивая лягушка“ (Сыгырган была дьалку пака); „Водка и чай“ (Аракы ла чай); „Тетерев и курица“ (Куртук пиле такаа), (М. В. Чевалков, „Поучительные статьи на алтайском языке“, Казань, 1872).

Следует однако отметить, что все эти произведения были в большей мере „поучительными статьями“ чем литературными художественными произведениями.

Великая Октябрьская социалистическая революция и 25 лет строительства Советского Горного Алтая создали все условия для дальнейшего экономического и культурного развития алтайского народа. В первые же годы после образования Ойротской Автономной области были открыты национальные школы с обучением на родном языке, появились газеты, стали издаваться учебники, общественно-политическая литература, появились и первые произведения алтайских поэтов и писателей. Используемый вначале старый письменный язык, созданный миссионерами на основе телеутского диалекта, представляющего небольшую группу говорящего на нем населения, оказался непригодным для всего населения области и вскоре был заменен новым литературным языком, разработанным на базе центрального алтайского диалекта. Вместе с развитием культуры растет и национальное самосознание народа. Среди молодой советской интеллигенции Горного Алтая пробуждается интерес к истории своего народа его искусству и устной народной литературе.

Обращаясь к обзору исследований и публикаций алтайского фольклора за последние 25 лет мы можем установить, что научная работа по алтайской фольклористике была сосредоточена в трех основных центрах: в Горно-Алтайске — при

организации местных алтайских писателей, в Новосибирском отделении Союза советских писателей и в научно-исследовательских институтах Москвы и Ленинграда.

Работу местных алтайских фольклористов можно характеризовать прежде всего, как собирательскую и популяризаторскую. Чрезвычайно большую и плодотворную работу по сбору и публикациям фольклора провел писатель П. В. Кучияк. Первым, сравнительно большим сборником, опубликованным П. В. Кучияком, является сборник „Алтайские сказки“, изданные в Новосибирске на русском языке. Начиная с 1937 года П. В. Кучияк издает самостоятельно и в сотрудничестве с А. И. Гарф ряд интересных и содержательных сборников фольклора на русском и алтайском языках.

Значительная помощь в организации работы по сбору фольклора была оказана автором „Первомайская“, „К кожончи“ „В голубом Алтае“ и др. алтайских песен и стихотворений Б. Н. Половым—Каирским, опубликовавшим также несколько переводов алтайских народных песен, сказок и драматургических произведений алтайских писателей.

Центром исследовательской работы по алтайскому фольклору и литературе за истекшие 25 лет следует по справедливости считать Новосибирск. Признанным авторитетом и основным исследователем алтайского фольклора является крупный сибирский писатель А. Л. Коптелов. Перу А. Л. Коптелова принадлежит большое количество научно-исследовательских, критико-библиографических и обзорных статей, посвященных алтайскому фольклору и несколько опытов перевода на русский язык алтайских песен, сказок и героических сказаний. Огромную роль в деле популяризации алтайского фольклора сыграл журнал „Сибирские Огни“, орган Западно-Сибирской организации Союза советских писателей. Из сотрудников этого журнала, кроме А. Л. Коптелова необходимо отметить поэтов-переводчиков алтайских песен, сказок и героических сказаний В. Непомнящих, А. Смердова, И. Мухачева, Е. Березницкого, Е. Стюарт и др.

Кроме публикаций в журнале „Сибирские Огни“ сибирскими писателями и поэтами были изданы отдельные сборники переводов алтайских народных песен, сказок и героических сказаний.

В то время как местные, алтайские и сибирские исследователи были заняты непосредственно работой по собиранию, обработке и переводу алтайского фольклора, чрезвычайно интересная, и важная для изучения и анализа народной литературы, научная работа проводилась центральными науч-

но-исследовательскими учреждениями Москвы и Ленинграда. Основной тематикой исследовательской работы центральных научных учреждений и научных работников связанных с изучением Горного Алтая и алтайского народа, были этнографические исследования древнейших пережитков в области духовной культуры алтайцев. Эти исследования представляют большой интерес для фольклориста-литературоведа не только потому, что в них приводятся различные, а иногда чрезвычайно редкие фольклорные тексты, но они совершенно необходимы также для разрешения общих вопросов генезиса современного алтайского фольклора. Крупнейшим специалистом в области изучения шаманизма и бурханизма на Алтае является член-корреспондент Академии Наук СССР, фольклорист, этнограф и композитор А. В. Анохин, проживший на Алтае почти всю свою жизнь.

Несмотря на методологические недостатки, работы А. В. Анохина по фактическому материалу, проведенному в них и весьма тонким наблюдениям не потеряли своего научного значения и до настоящего времени, а записанные им тексты шаманских мистерий являются лучшими из всех записанных до и после него.

Крупными специалистами, опубликовавшими свои работы, связанные по своей тематике с фольклором и давшими весьма интересные фольклорные тексты, являются этнограф Л. Э. Каруновская, историк и этнограф Л. П. Поталов, и этнограф и лингвист Н. П. Дыренкова.

Некоторые фольклорные тексты или сведения по этнографии и истории связанные с фольклористикой можно найти в работах А. Н. Вознесенского, А. С. Ефимовой и А. Г. Данилина.

Одним из лучших изданий алтайских героических сказок (на русском языке) является издание сказки „Когутей“, записанной у сказителя М. Ютканакова и переведенной Г. Токмашевым с весьма интересной и содержательной вводной статьей и комментариями проф. Н. К. Дмитриева.

Из журнальных и газетных статей касающихся алтайского фольклора следует отметить статьи и переводы А. Караваевой, А. Ойслендера и Н. Титова.

За 25 летний период изменился не только подход к изучению фольклора, но и самый фольклор. Появилось множество новых форм народного творчества, внедрилась новая тематика, в корне изменилось и соотношение видов и жанров фольклора.

Наибольшее развитие в послеоктябрьском периоде получили песни (кожон), героические сказания, сохранившие

старую форму, но получившие новое содержание („чөрчөк“), сказки и басни, главным образом из животного цикла и социально-классового цикла, сатирически направленные против врагов Родины, противников нового быта и пережитков старого быта, и мелкие формы народного творчества и особенно пословицы и поговорки.

Все дальше и дальше уходят в прошлое старые формы религиозно-обрядового фольклора и вместе с тем растут и развиваются новые песни и сказки, приветствующие радостную и счастливую жизнь, освобожденного от многовекового гнета алтайского народа.

Среди новых песен политического жанра особое распространение получили песни, посвященные нашим вождям В. И. Ленину и И. В. Сталину. Глубокой любовью и безграничной преданностью проникнуты они к вождям революции и вдохновителям побед над внешними врагами и в мирном строительстве.

Ленин!.. Кто же его не знает?
От Кремля, где он крепко спит,
До хребтов голубого Алтая
Слава Ленина ярко горит.

Традиционный параллелизм, одно из наиболее часто встречающихся художественных средств алтайской народной поэзии, в песнях, посвященных нашим вождям, получил новое и совершенное свое выражение.

Наш Алтай славен деревом дивным одним.
Драгоценно оно, хорошо нам под ним
В ясный день и ненастье.
Есть в Москве человек, честь и слава ему!
Драгоценней его нет для нас, потому—
Дал народам он счастье.
Что ж за дерево это, что солнцу навстречу
Рвется соки беря из породистых недр?
Это — кедр! Это — кедр! — я любовно отвечу
Это — кедр!
Кто же тот человек, что к трудящимся вышел,
Сея счастье и радость вокруг?
Это Сталин, — я крикну, чтоб мир весь
услышал,
Это — Сталин, наш вождь и друг!

Все крупные политические события нашей страны от Ве-

ликой Октябрьской социалистической революции до Великой победы над общим врагом трудящихся всего мира—фашизмом и трудовых подвигов послевоенного времени, получили свое отражение в песнях и сказках алтайского народа. Первая весть об Октябре и появлении нового батыра, затмевающего славу былых геров—о Ленине—самом большом большевике; гражданская война на Алтае, колхозное строительство, Сталинская конституция, Великая Отечественная война, победа советского народа, энтузиазм послевоенных строек—новые темы многочисленных народных произведений послеоктябрьского периода.

Старые формы исполнения произведений народной литературы вытесняются формами современного искусства. В 1936 году открывается Алтайский Национальный театр, который в течении последних десяти лет, сплотив вокруг себя талантливую молодежь—актеров, музыкантов, певцов и исполнителей народных песен и сказок „кайчи“, поставил несколько десятков спектаклей и множество концертов, в репертуаре и программе которых большое место занимают произведения народного творчества. Поощряется и развивается искусство народных исполнителей „кайчи“. Кроме крупнейших представителей этого жанра, Н. У. Улагашева, М. Юткачакова, Т. Майманова, в каждом районе (аймаке) имеются десятки талантливых сказителей „кайчи“, с огромным репертуаром еще не записанных и неопубликованных героических сказаний, песен и сказок.

Великая Октябрьская социалистическая революция и советская национальная политика создали все условия для формирования и развития алтайской художественной литературы. Появление первых зрелых произведений алтайских национальных писателей относится, собственно к периоду организации Союза советских писателей. Именно этот период является решающим для развития не только алтайской, но и других национальных литератур Советского Союза. Период же до организации Союза советских писателей, который характеризуется слабым руководством работой национальных писателей со стороны старых писательских организаций (Рапп, Леф и проч.), для алтайской литературы представляет чисто исторический интерес первоначальных литературных опытов и исканий и не знаменует собой появление каких-либо крупных литературных имен и произведений. Более того, алтайская литература развивалась в тот период по неправильному и вредному пути националистических тенденций и направлений, враждебных алтайскому народу.

Большую положительную роль для национальных литератур и в частности алтайской литературы сыграл Первый съезд советских писателей, определивший правильный путь развития советской национальной литературы. Расширяющееся общение между алтайскими и русскими писателями, повышение интереса национальных писателей к классикам русской литературы и к произведениям лучших советских писателей, а также усилившееся руководство центра и местных писательских организаций и в первую очередь писателей Западной Сибири определили дальнейшие пути развития алтайской литературы. Современные алтайские писатели учатся на образцах художественных произведений русских классиков А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого и др., а также крупнейших писателей советской эпохи А. М. Горького, М. А. Шолохова, В. В. Маяковского, Н. А. Островского и др., которые оказали огромное влияние на формирование современной алтайской литературы.

Значительную помощь в развитии алтайской литературы оказали ново-сибирские писатели в лице А. Л. Коптелова, С. Е. Кожевникова и поэтов И. Мухачева, В. Непомнящих, А. Смердова, Н. Алексеева, К. Урманова, Е. Стюарт и др., которые своими критическими статьями и собственными произведениями, а также переводами и обработкой произведений алтайского народного творчества способствовали не только популяризации художественных произведений алтайской литературы, но и повышению их качества.

Для формирующейся алтайской национальной литературы характерно и интересно рассмотрение ее не только в аспекте формальной ее классификации, т. е. анализа отдельных разделов литературного творчества прозы, поэзии, драматургии и проч., но и в аспекте отражения в творчестве алтайских писателей, поэтов и драматургов, с одной стороны, богатейшего наследия в виде эпических богатырских сказаний и других форм алтайского фольклора и с другой — тематике нашей эпохи социалистического строительства, которая, последовательно по всем этапам развития советского государства, широко представлена в произведениях алтайских писателей и поэтов.

С этой точки зрения алтайская литература, а отчасти и ее творцы — писатели, драматурги и поэты разделяются на две группы. Первую группу составляют произведения, представляющие собой индивидуальную переработку старых эпических сказаний, повествующих о легендарных богатырских подвигах народных героев-богатырей, авторами кото-

рых являются певцы сказители „кайчи“, сохранившие в своей памяти десятки героических сказаний. Вторую группу составляют художественные литературные произведения, посвященные главным образом современной тематике отражающей все этапы социалистического строительства Горно-Алтайской Автономной области.

Блестящим представителем первой группы писателей-сказителей, народных поэтов является сказитель-орденоносец Н. У. Улагашев. Н. У. Улагашев (родился в 1861 г. и умер 1946 г.) относится к той же плеяде народных поэтов, получивших всеобщее признание и широкую известность в советскую эпоху, звездами первой величины которой являются Сулейман Стальский и Джамбул Джабаев. Творчество Н. У. Улагашева, получившее прекрасную оценку на страницах центральных и сибирских журналов, обнимает собой разнообразнейшие по тематике и колоритные по творческим приемам народные алтайские сказки, прошедшие через индивидуальную художественную обработку мастера-сказителя. В репертуаре его сказок встречаются и оригинальные алтайские героические сказания „Алтай-Бучай“, „Алып-Манаш“, „Көкин-Эркей“ и др., и классические, популярные среди народов Средней Азии, сюжеты восточных романов в алтайской национальной интерпретации, напр. „Козюйке и Баян“, и русские народные сказки, художественно переработанные и украшенные локальными сюжетными деталями напр. „Иванак“, „Антон Антонович“ и др. Являясь представителем группы писателей-сказителей Н. У. Улагашев, кроме опубликованных народных героических сказаний и сказок, имеет также свои индивидуальные художественные произведения, посвященные современной тематике, в которых он живо откликается на все политические события нашего времени*). К этой группе его произведений относятся: „Играй, играй мой топшуур!“, „Песня

*) А. Коптелов, «Кайчи» Н. У. Улагашев, очерк, «Сиб. Огни», №1, 1941; Его же, Н. У. Улагашев и ойротский народный эпос, сборник Н. У. Улагашева „Алтай-Бучай“, Новосибирск, 1941; А. Гарф и П. Кучияк „Н. У. Улагашев“, „Литературная газета“, от 10-II-1939; „Народный сказитель Ойротии Н. У. Улагашев“, „Алтайская правда“, 22-II-1939; П. Кучияк, „В гостях у кайчи“, журн. „Октябрь“, №5—6, 1939; П. Кучияк, „Певец Ойротии“, „Народное творчество“, №2, 1939; П. Кучияк и А. Коптелов, „Н. У. Улагашев, певец Ойротии“, „Сибирские Огни“, №2, 1939 и др.

о Конституции“, „Октябрьская песня“, „Руки коротки“ и проч.

Крупными народными поэтами-сказителями являются также М. Ютканаков, Т. Майманов и др.

Вторую группу произведений и их авторов составляют индивидуальные художественные произведения и алтайские писатели, драматурги и поэты, выросшие в послеоктябрьскую эпоху. Общими чертами творчества писателей послеоктябрьской эпохи являются единство их тематики, отражающей современные им этапы социалистического строительства и отсутствие специализации их по жанрам. Среди писателей Горного Алтая нет граней разделяющих их на прозаиков-беллетристов, поэтов и драматургов. Откликаясь на все важнейшие политические события, великие даты, культурные завоевания и мероприятия партии и советского правительства, алтайские писатели выбирают ту форму и тот жанр для своих произведений, которые являются эффективными и действенными в пропаганде идей, связанных с темой данного литературного произведения.

Одним из крупных алтайских писателей раннего периода является Мундус Эдоков, известный своими оригинальными баснями, сказками, рассказами и пьесами.

Произведения Мундуса Эдокова, опубликованные только частично, по своему характеру и манере письма, а также и по тематике, которая впрочем отражает современную ему жизнь, имеют много общих черт с произведениями дореволюционного алтайского писателя М. В. Чевалкова. Его басни „Пьяница и прилежный“ („Аракызак ла эрүүл“) и др. весьма близки к „нравственно-поучительным“ басням М. В. Чевалкова. Тем не менее произведения М. Эдокова сыграли свою положительную роль в истории алтайской литературы.

Крупнейшим поэтом, драматургом и прозаиком, а также неутомимым собирателем образцов алтайского народного творчества является П. В. Кучияк. П. В. Кучияк (родился 1897 г. и умер в 1943 г.) один из наиболее ярких писателей и поэтов Горного Алтая оставил после себя значительное литературное наследство, которое характеризует, так сказать, первые этапы развития алтайской литературы. Творчество П. В. Кучияка весьма разнообразно и многогранно и в хронологическом отношении разделяется на два периода.

Первый ранний период характеризуется напряженной работой писателя, главным образом, над собиранием и обработкой образцов народной литературы алтайцев. За корот-

кий период с 1933 по 1936 год П. В. Кучияк, состоя руководителем так называемой „юрты-передвижки“, собрал огромный материал по алтайскому героическому эпосу и алтайским сказкам. В одну из фольклорных поездок по Алтаю, вместе с московской фольклористкой А. Гарф, П. В. Кучияк обнаруживает в одном из отдаленных колхозов области будущего известного алтайского сказителя-орденоносца, „кайчи“, Н. У. Улагашева. Сотрудничая с Н. У. Улагашевым П. В. Кучияк записал у него и литературно обработал ряд интереснейших героических поэм и сказок. Рассматривая состояние изучение алтайского фольклора, мы уже отмечали заслуги и работы в этой области П. В. Кучияка, здесь мы отметим, что кроме опубликованных уже работ по фольклору, после смерти П. В. Кучияка в его литературном архиве, находящимся ныне в Новосибирске, осталось еще большое количество неизданных им материалов, а также часть его записей подготовленного к изданию II-го тома сочинений Н. У. Улагашева.

Таким образом П. В. Кучияк был одним из крупнейших собирателей и популяризаторов алтайского народного творчества. Записанное им у „кайчи“ — сказителя Дьяаба Юдакова и литературно обработанное алтайское сказание о бедном охотнике „Зажглась золотая заря“ является известным широкому советскому читателю.

Но еще больший вклад сделан П. В. Кучияком в молодую алтайскую литературу. Одновременно с собиранием фольклора П. В. Кучияк не забывает и творческой работы. Истоками его творчества являются народные литературные произведения. Из поэтических сюжетов, героических образов и своеобразных форм народного творчества поэт черпает наиссякаемый материал и используя тематику новой жизни, нового содержания создает, иногда может быть не вполне совершенные и законченные, но действительно национальные, проникнутые спецификой народности, произведения, получившие одобрительную оценку не только местных организаций и читателей, но известных и за пределами Алтая и Сибири.

П. В. Кучияк пробовал свои силы и в драматургии, и в поэзии, и в прозе. Наиболее удачными и яркими являются его драматургические произведения, из которых следует отметить его пьесы, входящие ныне в репертуар Горно-Алтайского Национального Театра: „Чейнеш“, пьеса, вскрывающая сущность Каракорумской управы, как власти насилия и эксплуатации и отражающая эпоху гражданской войны и освобождения Горного-Алтая от гнета царизма, местных зайса-

нов и кулаков; „Амы“, пьеса, призывающая к бдительности и борьбе с остатками разгромленного кулачества, вредителями и диверсантами, притаившимися в только что организованных колхозах и совхозах; „Два гвардейца“, небольшая пьеса, относящаяся и по тематике и по времени написания к периоду Великой Отечественной войны и отражающая героизм наших бойцов на фронте борьбы с немецкими захватчиками и доблесть трудовых подвигов оставшихся в тылу; „Три девушки“, — инсценировка народной сказки, выражающей стремления и чаяния народа в его борьбе со злым чудовищем Дьельбегенем, олицетворяющим жадность и алчность угнетателей народа.

Более значительными по количеству являются поэтические произведения П. В. Кучияка, которые можно разделить на три основные группы: 1) лирику, в которой преобладают произведения, воспевающие природу Алтая — родину поэта. В этих произведениях поэт не является пассивным созерцателем красот природы, но воспекает активное начало — человека, украшающего стихии природы. К последним относятся его стихи: „Чемал“, „Чепош“, „Катунь“, „Алтын-Кöль“ и др. Вторую группу составляют стихи на производственную тематику: „Охотник“, „На сенокосе“ и др. и наконец, третью, наиболее обширную группу произведений, относящихся к социально-политической тематике: а) поэмы „Арбачи“, „Смерть Дьангара“; б) стихи „Хвалебная песнь о Ленине“, „На смерть вождя“, „15-летие Октября“, „Победа Октября“, „Колхозная песня“, „Культура“, „Письмо сына“ и др.

Менее удачными являются прозаические произведения П. В. Кучияка, из которых следует отметить: „Аза-Дьалан“, повесть о возникновении колхозов, классовой борьбе и росте социалистических форм хозяйства, „Ак-Тойчи“ и „Железный конь“, рассказ и очерк о формировании и росте нового человека. Чрезвычайно интересным и заслуживающим внимание является одно из последних произведений П. В. Кучияка „Адыюк“, начало автобиографического романа, напечатанного в переводе на русский язык.

Из этого беглого очерка произведений П. В. Кучияка видно, что писатель живо откликался на все крупные политические события, связанные с жизнью Горного Алтая, отражая в своих произведениях все этапы борьбы алтайского народа за свою свободу и независимость и социалистического строительства Алтая.

П. В. Кучияк следуя заветам А. М. Горького действительно дал летопись всех событий и яркие картинки быта

одной из отдаленных национальных областей Советского союза. В этом отношении и состоит его большая заслуга.

Являясь писателем-самоучкой П. В. Кучияк безусловно не лишен и некоторых недостатков, как в отношении формы и композиции, так и в отношении идейного содержания своих произведений. Но эти недостатки не являются органическими и вполне искупаются той непосредственной искренностью и любовью писателя к своей Родине, которые присущи каждому из его произведений. То обстоятельство, что произведения П. В. Кучияка почти все напечатаны в местных, а частью и в центральных издательствах свидетельствует о признании его одним из ведущих писателей Горного Алтая.

Поэтом и драматургом Горного Алтая является Ч. И. Енчинов. Творчество Ч. И. Енчинова, первые произведения которого были опубликованы в 1942 г., наибольшее развитие получило в период Великой Отечественной Войны. Крупнейшими его произведениями являются пьесы „Темир-Санаа“, „Санаш“ и „Ай-Тана“. Пьеса „Темир-Санаа“, написана Ч. И. Енчиновым по мотивам одноименного богатырского сказания, которое имеет своей основой историческое событие — народное ойратское восстание XVIII века, возглавляемое монгольским феодалом Амыр Санаа, стремившимся освободить Джунгарию от ига оккупировавшей ее Китайской империи. Поддержанное широкими народными массами это восстание перешло в национально-освободительное движение против иностранных захватчиков. Тема о борьбе народных героев против иноплеменного врага, взятая драматургом во время войны отвечала духу времени и его пьеса имела большой успех на сцене Горно-Алтайского национального театра. Вторая его пьеса „Санаш“ представляет собой драматизированную биографию алтайского бедняка, ставшего агрономом колхозных полей, отправляющегося на фронт и доблестно сражающегося в боях с фашистскими захватчиками.

Интересны лирические стихи Ч. И. Енчинова „Расставание“, „Май“, „Новый Алтай“ и особенно последние его стихотворения военного периода „Алтай батырлар“, „Кайран кӧӧркый“, „Шонкор“ и др.

Из более или менее популярных национальных писателей и поэтов, рожденных Великой Октябрьской революцией, следует отметить Ч. Чунжекова, написавшего несколько сказок: „Тӱлкӱнек и сыгырган“, „Катан-Коо“, „Ӗскӱзек“, „Беш Карындаш“ и много песен, из которых наиболее известными являются „Песня о Красной Армии“, „Песня при-

зывника“, „Песня о пограничниках“ и др; поэта Тантыева, автора „Песни о 15-летию Октября“, „Песни о Сталинской конституции“, „О золотой горе“, „Кукушка“ и др.; В. Ябыкова, использовавшего на родную эпическую форму, но вложившего новое содержание, напр. в поэме „Темир-Бөкө“, а также обработавшего ряд народных сказок, напр. „Кан-Сулутай“ и др.; И Эдокова,*) написавшего несколько прекрасных произведений „Путь через ледники“, „Песню пастуха“, „Песню о радио“, и др; Ч. Апаятова **). А Шабуракова ***) и некоторых других поэтов и писателей, поместивших свои произведения в различных сборниках, областных и краевых периодических изданиях и в областных и районных газетах.

Обозревая путь творчества алтайских писателей за истекший 25 летний период, мы констатируем, что все их произведения могут быть периодизированы по тем основным этапам, которые были пройдены за всё время социалистического развития Советского Алтая.

В стихах, драматургических произведениях, в очерках, рассказах, повестях и других формах художественного творчества, основной идеей произведений, их лейтмотивом является сопоставление старого, тяжелого прошлого и нового, светлого настоящего и будущего.

Тяжелое прошлое алтайского народа является как бы отправным пунктом сравнения тех достижений, которые завоеваны народом в эпоху Октября. Теме горести прошлых дней, глухой классовой борьбе бедняков с баями и зайсанами посвящено множество поэтических произведений дооктябрьского и послеоктябрьского периодов. Последовательно, год за годом от Великой Октябрьской социалистической революции и до наших дней в своеобразных образах и сравнениях алтайская литература и поэзия раскрывает нам жизнь и борьбу народов Алтая за светлое и прекрасное будущее. Глубокой любовью проникнуты стихи и песни, посвященные вождям народов В. И. Ленину и И. В. Сталину. С горячим чувством и твердой уверенностью пишут алтайские поэты свои стихи, посвященные Советской Армии и ее победоносной борьбе с фашистскими захватчиками. Торжеством и радостью полны произведения о Великой победе со-

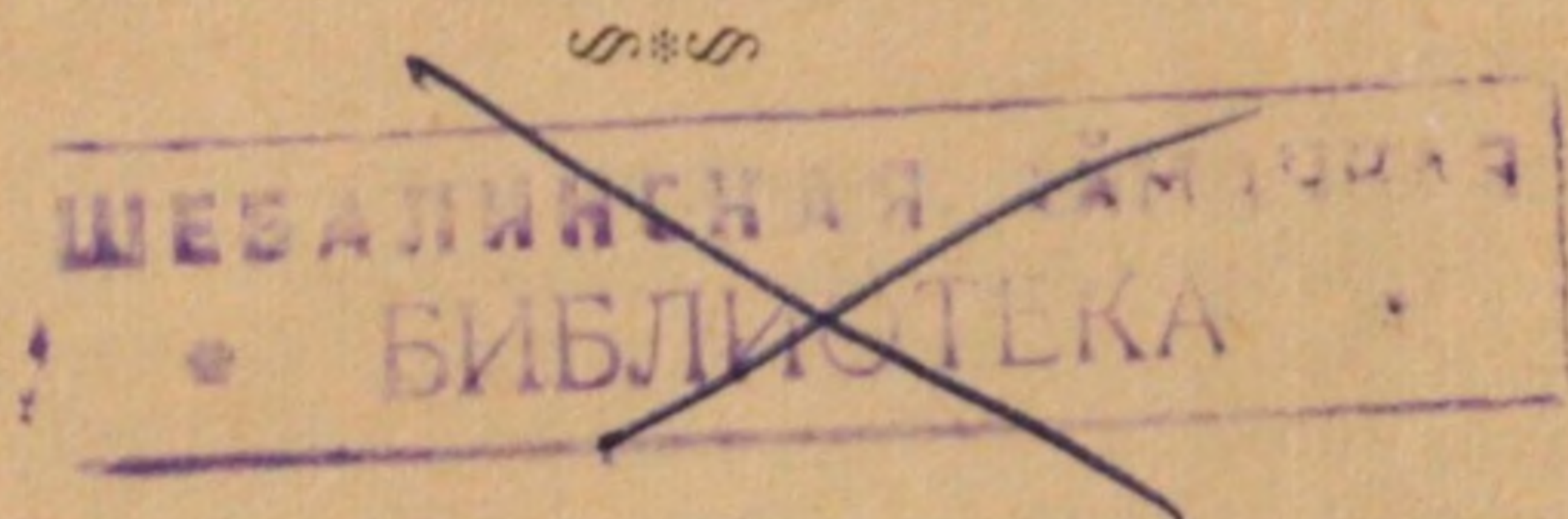
*) Сборник „Совет ойроттын өзүми“, Новосибирск, 1935 и др.

**) Сборник „Молодой Алтай“,

***) А. Г. Шабураков, Песни, Ойрот-Тура. 1941.

ветского народа и о его трудовых подвигах в восстановле-
нии страны.

Молодая алтайская литература, рожденная Великим Ок-
тябрем, благодаря ленинско-сталинской национальной поли-
тике и помощи русского народа и русской литературы, рас-
тет и крепнет с каждым годом и ее зеленеющие побеги
способствуют росту и расцвету единой социалистической
литературы всех народов Советского Союза.

- 1817 -

Ответственный редактор М. Ф. САРУЕВА.
Технический редактор С. А. СУРАЗАКОВ.

АН 45263 Сдано в набор 20/IX—1948 г. Подписано к печати 28/IX—48 г.
ф. б. 60X84 Объем 1,5 п. л. тираж 1000 экз.

г. Горно-Алтайск типография облисполкома

30-00

Цена 75 коп.

~~2-55~~